

DOI: [10.14515/monitoring.2022.6.2261](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2261)

Н. В. Муращенко

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ К ЭФФЕКТИВНОМУ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: РОЛЬ СТРАХА ПЕРЕД COVID-19 (РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)

Правильная ссылка на статью:

Муращенко Н. В. Готовность студентов университетов к эффективному межкультурному взаимодействию в условиях пандемии: роль страха перед COVID-19 (российский опыт) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 6. С. 221—242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2261>.

For citation:

Murashchenkova N. V. (2022) University Students' Readiness for Effective Intercultural Interaction during the Pandemic: Role of COVID-19 Fear (Russians Experience). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 221–242. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.6.2261>. (In Russ.)

Получено: 23.06.2022. Принято к публикации: 25.10.2022.

ГОТОВНОСТЬ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТОВ К ЭФФЕКТИВНОМУ МЕЖКУЛЬТУРНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: РОЛЬ СТРАХА ПЕРЕД COVID-19 (РОССИЙСКИЙ ОПЫТ)

МУРАЩЕНКОВА Надежда Викторовна — кандидат психологических наук, научный сотрудник Центра социокультурных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: ncel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>

Аннотация. В статье представлены результаты онлайн-опроса, проведенного в январе — апреле 2021 г. среди студентов университетов — граждан России (579 человек) в возрасте от 18 до 25 лет. Цель исследования — изучение характера связей психофизиологических и психоэмоциональных проявлений страха перед COVID-19 (как маркеров дисфункционального и функционального страхов) с показателями готовности к эффективному межкультурному взаимодействию. Проверялись две гипотезы: о наличии отрицательных связей проявлений дисфункционального страха (1) и отсутствии связей проявлений функционального страха перед COVID-19 (2) с компонентами межкультурной компетентности (как маркерами готовности студентов к эффективному межкультурному взаимодействию) в условиях пандемии. В опросе использовались Шкала страха COVID-19 (FCV-19S) и «Интегративный опросник межкультурной компетентности». Проведен множественный регрессионный анализ с контролем переменных (пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, уровень

UNIVERSITY STUDENTS' READINESS FOR EFFECTIVE INTERCULTURAL INTERACTION DURING THE PANDEMIC: ROLE OF COVID-19 FEAR (RUSSIANS EXPERIENCE)

*Nadezhda V. MURASHCHENKOVA*¹ — Cand. Sci. (Psych.), Research Fellow of the Center for Socio-Cultural Research
E-MAIL: ncel@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0793-3490>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of an online survey conducted in January – April 2021 among Russian university students aged 18 to 25 years ($N=579$). The study concerns the nature of the relationship between psychophysiological and psychoemotional manifestations of fear of COVID-19 (as markers of dysfunctional and functional fears) with indicators of readiness for effective intercultural interaction. The authors tested two hypotheses regarding (1) the negative relationship between the manifestations of dysfunctional fear and the components of intercultural competence and (2) the absence of relationship between the manifestations of functional fear of COVID-19 and the components of intercultural competence during the pandemic. Within the study, the latter are interpreted as the markers of students' readiness for effective intercultural interaction. The survey was conducted using the COVID-19 Fear Scale (FCV-19S) and the Integrative Intercultural Competency Questionnaire. Based on this data, the authors performed multiple regression analysis controlling for gender, age, economic status, number of foreign languages that the respondents know,

религиозности, объективная дистанция с COVID-19).

В результате исследования первая гипотеза была подтверждена полностью, вторая — частично. Выявлено, что дисфункциональный страх перед COVID-19 может препятствовать эффективному межкультурному взаимодействию в среде российской студенческой молодежи в период пандемии, в то время как функциональный страх перед COVID-19, напротив, может способствовать росту такого показателя межкультурной компетентности, как склонность к управлению межкультурным взаимодействием. Снижение готовности к продуктивному межкультурному взаимодействию в условиях пандемии в среде студенческой молодежи с выраженным дисфункциональным страхом коронавируса может объясняться механизмами развития ксенофобии и предубеждений в ситуации угрозы, а также являться следствием психологического механизма регрессии, актуализирующегося в условиях сильного негативного эмоционального переживания. Положительный же вклад функционального страха COVID-19 в склонность к управлению межкультурным взаимодействием может быть следствием реализации потребности студентов в контроле за неопределенной ситуацией в условиях пандемии, что проявляется в том числе и в сфере межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, страх перед COVID-19, межкультурное взаимодействие, межкультурная компетентность, российская студенческая молодежь

international mobility experience, level of religiosity, and personal experience with COVID-19.

As a result of the study, the first hypothesis was fully confirmed, while the second hypothesis was confirmed partially. It has been revealed that a dysfunctional fear of COVID-19 may hinder effective intercultural interaction among Russian students during the pandemic, while a functional fear of COVID-19, on the contrary, may contribute to the growth of such an indicator of intercultural competence as a tendency to manage intercultural interaction. A decrease in readiness for productive intercultural interaction in the context of the pandemic among students with a pronounced dysfunctional fear of coronavirus can be explained by the mechanisms for the development of xenophobia and prejudice in a situation of threat. Additionally, it can also be a consequence of the psychological mechanism of regression, which is actualized in conditions of strong negative emotional experience. The positive contribution of the functional fear of COVID-19 to the propensity to manage intercultural interaction may be a consequence of the students' need to control an uncertain situation during the pandemic, which is also manifested in the field of intercultural communication.

Keywords: COVID-19 pandemic, fear of COVID-19, intercultural interaction, intercultural competence, student youth of Russia

Благодарность. Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Введение

Пандемия COVID-19 стала вызовом и сильнейшим стрессором для всего человечества [Bavel et al., 2020]. Многоаспектность и комплексность ее воздействия на различные области и сферы не подвергается сомнению [Cohen-Louck, Levy, 2021]. Наряду с физической угрозой жизни и здоровью жителей разных стран, с изменениями в социальной, политической, экономической и других сферах, она спровоцировала появление новых психологических феноменов, одним из которых стал страх перед коронавирусом заболеванием [Mertens et al., 2021]. Возникновение этого страха у представителей разных возрастов, национальностей и культур актуализировало задачу мониторинга его выраженности у многих социально-демографических групп в различных странах мира. Значимыми стали задачи определения факторов, способствующих и препятствующих развитию данного страха, а также задачи прогнозирования и оценки последствий его влияния на различные стороны индивидуальной и общественной жизни. Актуальность научных работ, связанных с изучением причин, проявлений и последствий переживания страха перед COVID-19 высока, несмотря на то что количество заболевших во многих странах уменьшается, растет число вакцинированных и многие государства снимают введенные ранее ограничения. Ученые понимают, что качественная рефлексия и анализ опыта, полученного в условиях данного естественного эксперимента, могут помочь сохранить безопасность и благополучие человечества в будущем, в том числе и в условиях возможных последующих пандемий [Horton, 2021]. Сфера межкультурного взаимодействия — одна из областей, требующих особого внимания со стороны ученых в условиях пандемии. Признание культурного многообразия и эффективной межкультурной коммуникации ресурсами современного общества, наряду с существующими рисками стигматизации представителей различных культурных групп в условиях пандемии [Lin, 2020; Ren, Gao, Chen, 2020], стимулируют поиск ответа на значимый вопрос: может ли страх перед COVID-19 (и каким образом) препятствовать продуктивному межкультурному взаимодействию и влиять на готовность устанавливать контакты с представителями других культур?

Психологические последствия пандемии: страх перед COVID-19 и его влияние на межкультурное взаимодействие в среде студенческой молодежи

Страх — это естественная эмоциональная адаптивная реакция человека в ситуации угрозы (объективной реальной и/или субъективно такой воспринимаемой). В словаре Американской психологической ассоциации страх рассматривается как сильная базовая эмоция, вызываемая идентифицированной человеком неизбежной угрозой, включающая немедленную реакцию (в том числе и физиологию)

ческие изменения), которая мобилизует организм¹. Страх проявляется в высоком уровне эмоционального избегания в отношении пугающего раздражителя [Perkins, Corr, 2014]. Страх перед коронавирусной инфекцией — сложный многосоставной психологический конструкт [Mertens et al., 2021]. Он может содержать различные компоненты, отражающие опасения людей относительно как самой болезни, так и пандемии в целом [ibid.]. В современной психологии существует несколько инструментов для оценки страха перед COVID-19 [Ahorsu et al., 2020; Arpacı, Karataş, Baloğlu, 2020; Mertens et al., 2020; Schimmenti et al., 2020; Taylor et al., 2020]. На основе данных разработок с помощью моделирования структурными уравнениями и сетевого анализа ученые из Тилбургского университета изучили основную структуру страха перед COVID-19 и выделили четыре группы его проявлений [Mertens et al., 2021]: симптомы страха (навязчивые состояния, ночные кошмары и другие), страх перед последствиями для здоровья, страх перед нехваткой товаров и ксенофобия, страх перед социально-экономическими последствиями пандемии.

Особое внимание ученых к феномену страха перед коронавирусной инфекцией связано с теми позитивными функциями и негативными рисками, которые он в себе несет. С одной стороны, данный страх может побуждать людей к соблюдению мер предосторожности (ношение масок, гигиена рук, соблюдение социальной дистанции и т. д.), снижая вовлеченность в рискованное поведение [Harper et al., 2021; Kabasakal, 2021]. С другой стороны, интенсивное и/или длительное переживание этого страха может вести к психологической травматизации [Екимова и др., 2021] и негативным последствиям как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. На индивидуальном уровне эти последствия проявляются в развитии тревожных и депрессивных расстройств, суицидальных мыслей и посттравматического стресса [Asmundson, Taylor, 2020; Lu et al., 2020; Ornell et al., 2020; Roy et al., 2020; Satici et al., 2020], а на социальном уровне отражаются в панике и ксенофобии [Екимова и др., 2021; Розенова и др., 2021; Lin, 2020; Ren, Gao, Chen, 2020; Schimmenti et al., 2020]. Страх перед COVID-19 способен усиливать ущерб, наносимый человеку коронавирусным заболеванием [Ren, Gao, Chen, 2020], а также может выступать барьером на пути адекватной оценки существующей вирусной угрозы [Ahorsu et al., 2020; Peters, Lipkus, Diefenbach, 2006].

Функциональная двойственность страха перед COVID-19 стимулировала научную дискуссию относительно пользы/вреда данного феномена для человека и общества [Harper et al., 2021], а также способствовала появлению научных работ, проводящих дифференциацию между функциональным и дисфункциональным страхом перед COVID-19 [Harper et al., 2021; Solymosi et al., 2021]. Граница между функциональным и дисфункциональным страхом выстраивается на основе того, как человек с ним справляется и каковы последствия этого переживания [Gladstone, Parker, 2003; Solymosi et al., 2021; Tallis, Davey, Capuzzo, 1994]. Маркерами дисфункциональных страхов (в том числе и страха перед коронавирусной инфекцией) могут выступать их психофизиологические проявления (нарушения сна, сильные сердцебиения и т. п.) [Щербатых, Ивлева, 1998; Hyde et al., 2019]. Психоэмоциональные проявления страхов (в том числе и страха

¹ APA Dictionary of Psychology // American Psychological Association. URL: <https://dictionary.apa.org/fear> (дата обращения: 12.06.2022).

перед COVID-19) имеют скорее функциональное значение и схожи с тревогой как подготовительной реакцией на неоднозначные и/или отдаленные стимулы [Harper et al., 2021]. В контексте вышесказанного важен факт, обнаруженный Рекой Солимоси с коллегами [Solymosi et al., 2021] в ходе эмпирического исследования, проведенного в условиях второй и третьей волн пандемии на выборке взрослых людей в Великобритании. Ученые выявили [ibid.], что дисфункциональное беспокойство (стимулирующее соблюдение мер предосторожности, но не способствующее росту чувства безопасности, а, напротив, снижающее качество жизни) связано с негативными последствиями, влияющими на психическое здоровье людей. В случае с функциональным беспокойством относительно COVID-19 подобной связи в описываемом исследовании не обнаружено [ibid.]. То есть достаточный, но не чрезмерный уровень тревоги играет важную роль в решении проблем, стимулируя продуктивные действия людей и помогая им справляться с неопределенной ситуацией [Tallis, Eysenck, 1994].

Описанный выше пример свидетельствует, что дисфункциональный страх перед COVID-19 (в отличие от функционального страха) способен стимулировать развитие непродуктивного защитного поведения, снижающего качество жизни личности. Обращаясь к возможным негативным последствиям на социальном уровне, можно предположить, что дисфункциональный страх перед коронавирусом будет снижать также и эффективность межкультурного взаимодействия. Как показывают исследования [Lin, 2020; Ren, Gao, Chen, 2020], страх перед COVID-19 способствует дистанцированию от представителей тех культур, которые воспринимаются как потенциальный источник заражения. Это, в свою очередь, может вести к снижению готовности к продуктивным межкультурным контактам, к их избеганию. В то же время, как следует из исследования Марго Кублашвили и Иванэ Джавахишвили [Kublashvili, Javakhishvili, 2021], посвященного влиянию пандемии на качество межкультурной коммуникации в поликультурной среде, регулярные межкультурные контакты в данный период способствуют продуктивности межкультурного взаимодействия, повышая уровень межкультурного принятия и межкультурной чувствительности. Это, по сути, в условиях пандемии подтверждает «гипотезу контакта» [Варшавер, 2015; Pettigrew, Тропп, 2006], предложенную Гордоном Олпортом [Allport, 1979]. Соответственно, сознательная изоляция от межкультурных контактов или их бессознательное избегание в ситуации пандемии могут способствовать росту дисфункционального беспокойства, формируя замкнутый круг ксенофобии и предубеждений. Данные выводы соотносятся с основными положениями теории интегральной воспринимаемой угрозы Уолтера Стефана и Куки Стефан [Stephan, Stephan, 2020] и теории управления беспокойством/неопределенностью Уильяма Гудиканста [Gudykunst, 1993], в которых раскрыты механизмы продуктивного межкультурного взаимодействия.

Проблема эффективности межкультурных контактов широко освещена в современной психологии и представлена значительным пулом теоретических подходов и концепций [Солдатова, Шайгерова, 2015; Leung, Ang, Tan, 2014]. Однако актуальной остается задача определения содержания, факторов и способов развития межкультурной компетентности как фактора снижения неопределенности и непредсказуемости межкультурного взаимодействия. Существует

потребность в разработке интегративной теоретико-методологической основы, синтезирующей накопленные в науке данные по этим вопросам [ibid.]. Одним из примеров решения обозначенной задачи может служить создание *интегративной социально-психологической модели оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия* [Хухлаев, 2020], ключевыми элементами которой выступают межкультурная компетентность и осознанность. Результаты эмпирических исследований с использованием данной модели [Хухлаев и др., 2022] доказывают, что межкультурная компетентность выступает предиктором эффективного межкультурного взаимодействия и, по сути, отражает *готовность личности к продуктивным межкультурным контактам*. Межкультурная компетентность рассматривается как способность человека продуктивно функционировать в условиях взаимодействия с людьми разных культур в разнообразных культурных средах [Leung, Ang, Tan, 2014]. О. Е. Хухлаев с коллегами на основе анализа 14 эмпирически подтвержденных зарубежных моделей межкультурной компетентности предложили теоретическую *интегративную модель межкультурной компетентности*, включающую следующие элементы: межкультурная гибкость, межкультурная стабильность, отсутствие этноцентризма, межкультурная открытость, межкультурный интерес, межкультурная эмпатия, культурная сенситивность, толерантность к межкультурной неопределенности [Khukhlaev, 2020]. Эмпирическое подтверждение было получено по четырем теоретически обоснованным измерениям межкультурной компетентности данной интегративной модели [Хухлаев и др., 2021]: межкультурный интерес, межкультурная стабильность, отсутствие этноцентризма и управление межкультурным взаимодействием. Межкультурный интерес связан с желанием и направленностью на общение с представителями различных культур. Межкультурная стабильность предполагает устойчивость к стрессу в условиях общения с людьми из других культур. Отсутствие этноцентризма проявляется в установке уважения и принятия культурного разнообразия. Управление межкультурным взаимодействием предполагает владение комплексом навыков, значимых для межкультурной коммуникации.

В условиях пандемии различные компоненты межкультурной компетентности, как и готовность к продуктивному межкультурному взаимодействию в целом, могут изменяться под влиянием негативных эмоциональных переживаний, в частности — страха перед COVID-19. Изучение такого потенциального воздействия особенно значимо в среде студенческой молодежи. Связано это с двумя аспектами. С одной стороны, студенчество выступает группой риска с высокой вероятностью проявления неблагоприятных последствий распространения коронавирусной инфекции [Кисляков, 2020; Deng et al., 2021; Wathélet et al., 2020]. Пандемия COVID-19 стимулировала значительные изменения образа жизни учащейся молодежи [Aristovnik, 2020; Pokhrel, Chhetri, 2021]: заставила студентов всего мира перейти на дистанционное обучение, изменила их привычный академический распорядок, привела к ограничению физических контактов со сверстниками, стимулировала рост отрицательных эмоциональных переживаний и нарушений [Deng et al., 2021], в том числе и страха перед COVID-19 [Гриценко и др., 2020; Gritsenko et al., 2021; Wang et al., 2022]. Примеры неблагоприятного влияния пандемии на студентов разных стран описаны в результатах самых свежих научных исследований [Chan

et al., 2022; Hu, Godfrey, Li, 2022]. С другой стороны, современная университетская среда, как правило, предполагает множество межкультурных контактов, продуктивность которых может снижаться в связи с проявлениями страха перед COVID-19. Наряду с этим образованная студенческая молодежь часто рассматривается как наиболее открытая новому опыту группа, как генератор эффективного межкультурного взаимодействия. Ее потенциал в этом направлении может быть снижен под влиянием пандемии. Поэтому актуальна задача изучения характера связи страха перед коронавирусной инфекцией с готовностью студентов университетов к продуктивному межкультурному взаимодействию.

Цель нашего исследования состоит в изучении характера связей психофизиологических и психоэмоциональных проявлений страха перед COVID-19 с показателями готовности к эффективному межкультурному взаимодействию (межкультурной стабильностью, межкультурным интересом, отсутствием этноцентризма, склонностью к управлению межкультурным взаимодействием) у российских студентов университетов в период пандемии. Мы обращаемся к изучению страха заразиться коронавирусом, а именно — к оценке его психофизиологических и психоэмоциональных проявлений как маркеров дисфункционального и функционального страха перед COVID-19.

На основе проведенного теоретического анализа существующих исследований мы сформулировали две общие гипотезы.

Гипотеза 1. Психофизиологические проявления страха перед коронавирусной инфекцией (как маркеры дисфункционального страха) имеют статистически значимые отрицательные связи с такими показателями готовности к эффективному межкультурному взаимодействию, как межкультурная стабильность, межкультурный интерес, отсутствие этноцентризма и склонность к управлению межкультурным взаимодействием, у студентов российских университетов в период пандемии.

Гипотеза 2. Психоэмоциональные проявления страха перед коронавирусной инфекцией (как маркеры функционального страха) не имеют статистически значимых связей с такими показателями готовности к эффективному межкультурному взаимодействию, как межкультурная стабильность, межкультурный интерес, отсутствие этноцентризма и склонность к управлению межкультурным взаимодействием, у студентов российских университетов в период пандемии.

Метод

Процедура сбора эмпирических данных

Данные были собраны в ходе анонимного онлайн-опроса на платформе anketolog.ru в период с января по апрель 2021 г. (вторая волна пандемии). Ссылка на онлайн-анкету распространялась среди потенциальных респондентов преподавателями и студентами университетов. Участие в опросе было добровольным, вознаграждение за участие не предусматривалось. Согласно еженедельным эпидемиологическим отчетам Всемирной организации здравоохранения², в период

² Weekly epidemiological update — 27 January 2021 // World Health Organization. 2021. 27 January. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update--27-january-2021> (дата обращения: 10.06.2022); Weekly epidemiological update on COVID-19—20 April 2021 // World Health Organization. 2021. 20 April. URL: <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-epidemiological-update-on-covid-19--20-april-2021> (дата обращения: 10.06.2022).

сбора эмпирических данных в России росло число инфицированных и умерших от коронавируса.

Участники исследования

Итоговую выборку составили 579 студентов российских университетов из Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Пензы, Смоленска и Хабаровска. Все респонденты — граждане России в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст — 20 лет; $SD = 1,6$; 85 % женщин), обучающиеся по следующим направлениям: гуманитарное (70 %), экономическое (22 %), техническое (8 %). Количество респондентов из Санкт-Петербурга и Москвы — 267 (46 %). По этнической принадлежности 84 % опрошенных идентифицировали себя как русские. Почти половина опрошенных — 264 студента (46 %) — отметили, что не принадлежат ни к одной религиозной конфессии, в то время как 256 студентов (44 %) отнесли себя к представителям православного христианства.

Методы исследования

1. Измерение выраженности психофизиологических и психоэмоциональных проявлений страха перед COVID-19.

Для оценки выраженности страха перед коронавирусной инфекцией использовалась Шкала страха COVID-19 (FCV-19S), разработанная группой ученых из Великобритании, Гонконга, Ирана и Швеции [Ahorsu et al., 2020]. Данный инструмент прошел проверку на надежность и валидность на иранской выборке [ibid.]. Русскоязычный вариант методики был апробирован А. Резником с коллегами в России и Беларуси [Reznik et al., 2021]. Шкала считается хорошим психометрическим инструментом для оценки страха перед COVID-19, что подтверждают результаты исследований более чем в 20 странах [Lin et al., 2021]. Опросник включает семь утверждений. Респондентам необходимо выразить уровень своего согласия с утверждениями по пятибалльной шкале от 1 — «полностью не согласны» до 5 — «полностью согласны». В научных работах описаны варианты применения однофакторной [Al-Shannaq, Mohammad, Khader, 2021; Mailliez, Griffiths, Carre, 2021] и двухфакторной [Chen et al., 2022; Tzur Bitan et al., 2020] структуры данного опросника. В своем исследовании мы использовали двухфакторную шкалу, преимуществом которой является возможность дифференцировать психофизиологические и психоэмоциональные проявления страха COVID-19 при его оценке. Первый фактор включает третье («мои руки потеют, когда я думаю о коронавирусе»), шестое («я не могу спать из-за страха перед коронавирусом-19») и седьмое («мое сердце бьется чаще, когда я думаю о том, что могу заразиться коронавирусом-19») утверждения, сумма баллов по которым отражает выраженность психофизиологических проявлений страха перед COVID-19. Второй фактор включает первое («больше всего я боюсь заразиться коронавирусом-19»), второе («мне неприятно думать о коронавирусе-19»), четвертое («я боюсь умереть от коронавируса-19») и пятое («при просмотре новостей и историй о коронавирусе-19 в социальных сетях я испытываю волнение и беспокойство») утверждения, сумма баллов по которым демонстрирует выраженность психоэмоциональных проявлений данного страха. Показатели выраженности психофизиологических и психоэмоциональ-

ных проявлений страха перед COVID-19 — независимые переменные в данном исследовании.

2. Оценка показателей межкультурной компетентности как маркеров готовности к эффективному межкультурному взаимодействию.

Зависимыми переменными в исследовании стали показатели шкал Интегративного опросника межкультурной компетентности [Хухлаев и др., 2021]. Опросник предполагает оценку способности продуктивно действовать при коммуникации с представителями разных культур в различных средах. Методика имеет комплексный характер, создана на основе объединения 52 конструкторов из более чем десяти различных инструментов оценки межкультурной компетентности. Опросник включает 18 утверждений. Респондентам необходимо выразить степень своего согласия с ними в соответствии с пятибалльной шкалой: 1 — «полностью не согласны», 2 — «скорее не согласны», 3 — «в чем-то согласны, в чем-то нет», 4 — «скорее согласны», 5 — «полностью согласны». Проводится подсчет средних значений по утверждениям, включенным в каждую из четырех шкал, отражающих различные аспекты продуктивности межкультурного взаимодействия. Прямая шкала «Межкультурный интерес» содержит три утверждения: «мне нравится общаться с людьми других культур», «мне нравится знакомиться с людьми других культур», «мне нравится общаться с людьми другой культуры, которая существенно отличается от моей». Обратная шкала «Межкультурная стабильность» включает четыре утверждения: «когда я общаюсь с людьми другой культуры, нервы у меня напряжены до предела», «после общения с людьми другой культуры я чувствую себя совершенно разбитым», «от межкультурного общения я не жду ничего хорошего», «после общения с человеком другой культуры меня терзает чувство вины». Шкала «Отсутствие этноцентризма» также является обратной и содержит пять утверждений: «я не буду общаться с человеком другой культуры, если он действует, исходя из своих культурных норм», «я не буду общаться с человеком другой культуры, если ее традиции мне чужды», «есть такие культуры, к которым я испытываю презрение», «я доверяю только людям моей культуры», «есть такие культуры, среди которых почти все плохие люди». Прямая шкала «Управление межкультурным взаимодействием» включает шесть утверждений: «я уверен, что могу эффективно работать с людьми различных культур», «в межкультурном общении я стараюсь принимать во внимание мнение каждой стороны и только потом принимать решение», «если у меня планируется важная встреча с человеком другой культуры, я пытаюсь представить, какие могут быть культурные различия между нами», «я проверяю правильность моего понимания другой культуры в процессе межкультурного общения», «я корректирую свои представления о другой культуре в процессе взаимодействия с ее носителями», «я могу преодолевать трудности, возникающие при общении с людьми другой культуры».

Для удобства дальнейшей статистической обработки и интерпретации результатов все показатели респондентов по утверждениям, включенным в обратные шкалы («отсутствие этноцентризма» и «межкультурная стабильность»), были подвергнуты инверсии: значение «5» было переведено в значение «1», «4» — в «2», «2» — в «4», «1» — в «5» (значения «3», соответствующие ответу «в чем-то согласен, в чем-то нет», остались без изменений). Благодаря этой процедуре подсчитан-

ные в дальнейшем средние показатели по шкалам «отсутствие этноцентризма» и «межкультурная стабильность» стали отражать их непосредственное содержание (то есть, по сути, был произведен перевод обратных шкал в прямые).

Оценка контрольных переменных (пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, уровень религиозности, объективная дистанция с COVID-19)

Пол был закодирован следующим образом: 1 — «мужской» и 2 — «женский». Возраст был указан в годах. Материальное положение кодировалось от 1 до 4 в зависимости от выбранного респондентами варианта: 1 — «на данный момент я испытываю значительные финансовые трудности»; 2 — «сейчас мне хватает денег только на самое необходимое»; 3 — «на данный момент я не испытываю материальных трудностей, могу позволить себе многое»; 4 — «мое нынешнее материальное положение позволяет мне ни в чем себе не отказывать». Владение иностранными языками кодировалось исходя из количества языков, указанных респондентами при ответе на вопрос «Какими иностранными языками Вы владеете?». Опыт международной мобильности отражал частоту выездов респондентов за границу в течение жизни. Для оценки уровня религиозности использовался вопрос «Насколько религиозным человеком Вы себя считаете?». Студенты отвечали в соответствии с десятибалльной шкалой: от 1 — «совсем не религиозен(на)» до 10 — «очень религиозен(на)». Для измерения объективной дистанции с COVID-19 был использован вопрос «Болели ли (или болеете/болеют сейчас) Вы, Ваши родные, знакомые коронавирусом?». Предлагалось четыре варианта ответа: 1 — «да, я сам(а) болел(а)/болею коронавирусом»; 2 — «да, переболели/болеют мои родные»; 3 — «да, переболели/болеют мои знакомые»; 4 — «нет, не болел и не болею ни я, ни мои родные, ни знакомые». Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов в зависимости от своего положения. Дистанция с COVID-19 кодировалась в соответствии с ближайшей отмеченной дистанцией с заболеванием.

Онлайн-анкета содержала также вопросы о гражданстве, этнической и религиозной принадлежности респондентов, месте их проживания и получаемой в университете специальности.

Статистическая обработка данных

Применялись анализ описательных статистик, анализ надежности шкал (α -Кронбаха), иерархический регрессионный анализ с контролем социально-демографических переменных. Был использован пакет IBM SPSS Statistics 23.

Результаты

Обратимся к показателям дескриптивных статистик и коэффициентов α -Кронбаха основных переменных (см. табл. 1).

Все шкалы имеют приемлемые показатели внутренней согласованности. Согласно показателям средних значений и стандартных отклонений, можно утверждать, что психоэмоциональные проявления страха перед COVID-19 имеют больший разброс в среде российской студенческой молодежи, нежели психофизиологи-

ческие проявления данного страха. Все показатели готовности к эффективному межкультурному взаимодействию в выборке российских студентов имеют средние значения выше 3,6 (при максимальном значении 5) и приблизительно одинаковый разброс значений. Наиболее выраженными в выборке российской студенческой молодежи (согласно средним значениям) оказываются такие маркеры готовности к эффективному межкультурному взаимодействию, как межкультурный интерес и межкультурная стабильность (средние значения — 4 и выше).

Таблица 1. Дескриптивные статистики основных переменных и показатели внутренней согласованности шкал

Переменные (шкалы)	Минимум	Максимум	Среднее	Стандартное отклонение	α-Кронбаха
Психофизиологические проявления страха COVID-19	3	13	4,2	1,9	0,8
Психоэмоциональные проявления страха COVID-19	4	20	9,5	3,9	0,8
Межкультурная стабильность	1	5	4,2	0,7	0,8
Межкультурный интерес	1	5	4,0	0,8	0,8
Отсутствие этноцентризма	1	5	3,8	0,7	0,7
Управление межкультурным взаимодействием	1	5	3,7	0,7	0,7

Для оценки связи психофизиологических и психоэмоциональных проявлений страха перед COVID-19 (независимые переменные) с показателями готовности к эффективному межкультурному взаимодействию (зависимые переменные) у российских студентов в период пандемии мы использовали иерархический регрессионный анализ с контролем социально-демографических параметров. На первом этапе (в первой модели) мы оценивали вклад социально-демографических параметров респондентов (пол, возраст, материальное положение, владение иностранными языками, опыт международной мобильности, уровень религиозности, объективная дистанция с COVID-19) в дисперсию показателей готовности к эффективному межкультурному взаимодействию, а на втором этапе — вклад психофизиологических и психоэмоциональных проявлений страха перед COVID-19. Таким образом, проверялись восемь моделей: по две модели для каждого показателя готовности к эффективному межкультурному взаимодействию в качестве зависимых переменных (межкультурная стабильность, межкультурный интерес, отсутствие этноцентризма, склонность к управлению межкультурным взаимодействием (см. табл. 2)).

Таблица 2. Иерархический регрессионный анализ связи показателей межкультурной компетентности (как маркеров готовности к эффективному межкультурному взаимодействию) и проявлений страха перед COVID-19 при контроле социально-демографических параметров (N = 579)

Предикторы	Межкультурная стабильность		Межкультурный интерес		Отсутствие этноцентризма		Склонность к управлению межкультурным взаимодействием	
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8
	β	β	β	β	β	β	β	β
<i>Контрольные переменные</i>								
Возраст	-0,02	-0,03	-0,01	-0,01	0,01	0,01	0,03	0,02
Пол (М = 1, Ж = 2)	0,13**	0,12**	0,04	0,03	0,08	0,07	-0,01	0,02
Материальное положение	0,07	0,08	0,10*	0,10*	0,08	0,08	0,09*	0,09*
Владение иностранными языками	0,07	0,05	0,13**	0,12**	0,10*	0,09*	0,12**	0,12**
Опыт международной мобильности	0,07	0,07	0,11*	0,11*	-0,02	-0,02	0,10*	0,10*
Дистанция с COVID-19 (1 — минимальная, 4 — максимальная)	-0,02	-0,01	-0,04	-0,03	-0,01	-0,01	-0,05	-0,05
Уровень религиозности	-0,11*	-0,07	-0,01	0,01	-0,03	-0,01	-0,09*	-0,08*
<i>Основные переменные</i>								
Психофизиологические проявления страха COVID-19	—	-0,31***	—	-0,10*	—	-0,16**	—	-0,20***
Психоэмоциональные проявления страха COVID-19	—	0,06	—	-0,01	—	0,03	—	0,13**
R ² (скорректированный)	0,03	0,12	0,037	0,044	0,01	0,03	0,04	0,07
F	3,70**	8,53***	4,17***	3,97***	1,88	2,86**	4,68***	5,77***

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$; изменение R² статистически значимо на уровне $p < 0,001$ в моделях 2 и 8; изменение R² статистически значимо на уровне $p < 0,05$ в модели 4; изменение R² статистически значимо на уровне $p < 0,01$ в модели 6; β — стандартизированные коэффициенты регрессии; R² — доля объясненной дисперсии зависимой переменной; F — статистика Фишера; полужирным шрифтом выделены статистически значимые коэффициенты β .

Согласно полученным результатам, рассматриваемые социально-демографические показатели респондентов вносят статистически значимый вклад в дисперсию таких показателей готовности к межкультурному взаимодействию, как межкультурная стабильность (см. табл. 2), межкультурный интерес (см. табл. 2) и склонность к управлению межкультурным взаимодействием (см. табл. 2). Наибольшую роль контрольные переменные играют в проявлении межкультурного интереса и склонности к управлению межкультурным взаимодействием. Направленность на общение с представителями различных культур (межкультурный интерес)

в большей степени характерна для российских студентов с опытом международной мобильности, владеющих иностранными языками и имеющих высокое материальное положение (см. табл. 2). В свою очередь, владение комплексом навыков, значимых для межкультурной коммуникации (управление межкультурным взаимодействием), также присуще тем российским студентам, которые обладают опытом международной мобильности, владеют иностранными языками, имеют высокое материальное положение, но при этом оценивают уровень своей религиозности как низкий (см. табл. 2). Межкультурная стабильность, согласно полученным данным, в большей степени характерна для студенток (нежели для студентов) с низким уровнем религиозности (см. табл. 2). В свою очередь, результаты, представленные в таблице 2, свидетельствуют о том, что рассматриваемые социально-демографические параметры объясняют незначительную долю дисперсии такого показателя, как отсутствие этноцентризма. Соответствующая модель не является статистически значимой (см. табл. 2). При этом, согласно полученным результатам, отсутствие этноцентризма у российских студентов все же имеет положительную связь с одним из предикторов — количеством иностранных языков, которыми владеют респонденты.

Обратимся к анализу моделей связи проявлений страха перед COVID-19 с показателями готовности к межкультурному взаимодействию при контроле социально-демографических переменных (см. табл. 2). Полученные результаты показывают, что все соответствующие модели статистически значимы, но наибольший процент объясняемой дисперсии характерен для таких зависимых переменных, как межкультурная стабильность и склонность к управлению межкультурным взаимодействием (см. табл. 2). Низкий уровень психофизиологических проявлений страха перед COVID-19 является предиктором всех рассматриваемых маркеров готовности к взаимодействию с представителями других культур у российских студентов (см. табл. 2). Однако в случае с таким показателем, как склонность к управлению межкультурным взаимодействием, дополнительным предиктором (наряду с низким уровнем психофизиологических проявлений страха перед коронавирусной инфекцией) выступает высокий уровень психоэмоциональных проявлений этого страха (см. табл. 2). Статистически значимых связей между психоэмоциональными проявлениями страха перед COVID-19 и другими маркерами готовности к эффективному межкультурному взаимодействию у российских студентов не обнаружено.

Обсуждение результатов

В результате проведенного исследования первая гипотеза получила подтверждение: были обнаружены отрицательные статистически значимые связи психофизиологических проявлений страха перед коронавирусной инфекцией со всеми рассматриваемыми показателями готовности к эффективному межкультурному взаимодействию. Вторая гипотеза подтвердилась частично: была обнаружена не предполагавшаяся изначально положительная статистически значимая связь психоэмоциональных проявлений данного страха со склонностью к управлению межкультурным взаимодействием.

Полученные результаты говорят о том, что дисфункциональный страх перед COVID-19 может препятствовать эффективному межкультурному взаимодействию

в среде российской студенческой молодежи в период пандемии, в то время как функциональный страх перед COVID-19, напротив, может способствовать росту такого показателя межкультурной компетентности, как склонность к управлению межкультурным взаимодействием. Обнаруженный отрицательный вклад дисфункционального страха перед коронавирусной инфекцией в продуктивность межкультурных контактов вполне ожидаем и непротиворечив. Снижение всех показателей готовности к продуктивному межкультурному взаимодействию в условиях пандемии в среде студенческой молодежи с выраженным дисфункциональным страхом коронавируса может быть следствием регрессии — психологического механизма, который актуализируется в условиях сильного негативного эмоционального переживания, когда все ресурсы личности тратятся на совладание и поддержание необходимого уровня функционирования. Наряду с этим обнаруженные взаимосвязи могут объясняться механизмами развития ксенофобии и предубеждений в ситуации угрозы — в этом случае представитель другой культуры воспринимается как потенциальный источник заражения, что становится барьером на пути к выстраиванию эффективных межкультурных контактов. В свою очередь, положительный вклад функционального страха перед COVID-19 в повышение склонности к управлению межкультурным взаимодействием требует дополнительных разъяснений и понимания. Мы уже отмечали, что *оптимальный* уровень тревоги может способствовать адаптивному поведению человека и разрешению сложных ситуаций. Так, Р. Солимоси с коллегами обнаружили связи между функциональным беспокойством относительно COVID-19 и воспринимаемым контролем вирусной угрозы [Solymosi et al., 2021]: люди, проявляющие функциональное беспокойство (в сравнении с теми, кто проявляет дисфункциональный страх), демонстрируют большую уверенность в своем контроле над факторами, связанными с риском заражения. То есть, вероятно, одна из ключевых защитных ролей функционального страха перед COVID-19 состоит в возможности реализовать потребность в чувстве контроля в условиях пандемии, что выражается, согласно полученным нами результатам, в том числе и в сфере межкультурного взаимодействия. Вместе с этим, вероятно, функциональный страх (соответствующий защитному нормативному уровню тревоги) делает студентов более чувствительными к значимым ситуациям (в том числе и к ситуации межкультурного взаимодействия), вынуждая их планировать свои действия, прогнозировать их последствия и т. д. В целом рост склонности к управлению межкультурным взаимодействием у российских студентов с выраженным функциональным страхом перед COVID-19 может быть связан с реализацией потребности хоть что-то контролировать в пандемической ситуации крайней неопределенности.

Заключение

В ходе исследования предпринята попытка оценить и проанализировать некоторые риски пандемии COVID-19, связанные с ее влиянием на сферу межкультурных контактов в среде российской студенческой молодежи. Подтверждено предположение, что пандемия может негативно влиять на качество межкультурных контактов в жизни российских студентов, в связи с чем данная область исследований требует внимания со стороны ученых и специалистов-практиков. С одной стороны, результаты исследования подтверждают обоснованность диффе-

ренциации функционального и дисфункционального страхов перед COVID-19 при оценке его влияния на готовность студентов к межкультурному взаимодействию: нельзя однозначно утверждать, что страх перед коронавирусной инфекцией будет негативно влиять на количество и качество межкультурных контактов студентов. Гармоничное выстраивание межкультурного общения и взаимодействия в студенческой среде требует психологической профилактики и коррекции именно дисфункционального страха перед COVID-19. В то время как функциональное беспокойство относительно коронавирусной инфекции, напротив, может играть позитивную роль, способствуя развитию такого компонента межкультурной компетентности, как склонность к управлению межкультурным взаимодействием.

Полученные данные могут быть использованы специалистами сферы вузовского образования в работе по профилактике негативных последствий пандемии COVID-19 в студенческой среде. Однако использование полученных результатов требует учета ряда ограничений исследования. В связи с тем, что в работе использован корреляционный дизайн, интерпретация направленности исследуемых связей носит гипотетический характер и базируется на выдвинутых теоретических предположениях. В выборке исследования значительно преобладают респонденты женского пола, что говорит о нерепрезентативности выборки. Эмпирические данные получены на основании самоотчетов, в связи с чем мы не можем исключить вероятность проявления социальной желательности при ответах респондентов. Помимо этого, сама онлайн-форма проведения опроса наряду со значительным числом преимуществ имеет и ряд недостатков, в частности, при сборе данных отсутствовал внешний контроль за процессом и условиями заполнения анкеты респондентами. Однако в условиях пандемии COVID-19 онлайн-опрос был оптимальным (наиболее безопасным и оправданным) средством сбора данных.

Список литературы (References)

Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>.

Varshaver E. A. (2015) Contact Theory: Review. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No 5. P. 183—214. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.5.13>. (In Russ.)

Гриценко В. В., Резник А. Д., Константинов В. В., Маринова Т. Ю., Хоменко Н. В., Израйлович Р. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 99—118. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090205>.

Gritsenko V. V., Reznik A. D., Konstantinov V. V., Marinova T. Y., Khamenka N. V., Israelowitz R. (2020) Fear of Coronavirus Disease (COVID-19) and Basic Personality Beliefs. *Clinical Psychology and Special Education*. Vol. 9. No. 2. P. 99—118. <https://doi.org/10.17759/cpse.2020090205>. (In Russ.)

Екимова В. И., Розенова М. И., Литвинова А. В., Котенева А. В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии Covid-19 // Современная зару-

бежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 27—38. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>.

Ekimova V. I., Rozenova M. I., Litvinova A. V., Koteneva A. V. (2021) The Fear Traumatization: Psychological Consequences of Covid-19 Pandemic. *Journal of Modern Foreign Psychology*. Vol. 10. No. 1. P. 27—38. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>. (In Russ.)

Кисляков П. А. Психологическая устойчивость студенческой молодежи к информационному стрессу в условиях пандемии COVID-19 // Перспективы науки и образования. 2020. № 5. С. 343—356. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.24>.

Kislyakov P. A. (2020) Psychological Resistance of Student Youth to Informational Stress in the Context of the COVID-19 Pandemic. *Prospects for Science and Education*. No. 5. P. 343—356. <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.24>. (In Russ.)

Розенова М. И., Екимова В. И., Огнев А. С., Лихачева Э. В. Страх как кризис психического здоровья в условиях глобальных рисков и перемен // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 17—26. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100102>.

Rozenova M. I., Ekimova V. I., Ognev A. S., Likhacheva E. V. Fear as a Mental Health Crisis in the Context of Global Risks and Changes. *Journal of Modern Foreign Psychology*. 2021. Vol. 10. No. 1. P. 17—26. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100102>. (In Russ.)

Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 10.

Soldatova G. U., Shaigerova L. A. (2015) Reflection upon Multiplicity of Choice in Psychology of Intercultural Communication. *Psychological Studies*. Vol. 8. No. 40. P. 10. (In Russ.)

Хухлаев О. Е. Интегративная социально-психологическая модель оценки и прогнозирования эффективности межкультурного взаимодействия // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 4. С. 26—41. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403>.

Khukhlaev O. E. (2020) Integrative Socio-Psychological Model for Assessment and Forecasting the Effectiveness of Intercultural Interaction. *Social Psychology and Society*. Vol. 11. No. 4. P. 26—41. <https://doi.org/10.17759/sps.2020110403>. (In Russ.)

Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Дагбаева Б. С., Константинов В. В., Корниенко Т. В., Кулеш Е. В., Тудупова Т. Ц. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1. С. 88—102. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150106>.

Khukhlaev O. E., Gritsenko V. V., Dagbaeva S. B., Konstantinov V. V., Kornienko T. V., Kulesh E. V., Tudupova T. T. (2022) Intercultural Competence and Effectiveness of Intercultural Communication. *Experimental Psychology (Russia)*. Vol. 15. No. 1. P. 88—102. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150106>. (In Russ.)

Хухлаев О. Е., Гриценко В. В., Макачук А. В., Павлова О. С., Ткаченко Н. В., Усубян Ш. А., Шорохова В. А. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник меж-

культурной компетентности» // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 71—91. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-71-91>.

Khukhlaev O. E., Gritsenko V. V., Makarchuk A. V., Pavlova O. S., Tkachenko N. V., Usuban Sh. A., Shorokhova V. A. (2021) Development and Adaptation of the Integrative Intercultural Competence Survey. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. Vol. 18. No 1. С. 71—91. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-71-91>. (In Russ.)

Щербатых Ю. В., Ивлева В. И. Психофизиологические и клинические аспекты страха, тревоги и фобий. Воронеж: Истоки, 1998.

Shcherbatykh Yu. V., Ivleva E. I. (1998) Psychophysiological and Clinical Aspects of Fear, Anxiety and Phobias. Voronezh: Istoki. (In Russ.)

Ahorsu D. K., Lin C.-Y., Imani V., Saffari M., Griffiths M. D., Pakpour A. H. (2020) The Fear of COVID-19 Scale: Development and Initial Validation. *International Journal of Mental Health and Addiction*. No. 20. P. 1537—1545. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00270-8>.

Allport G. W. (1979) *The Nature of Prejudice*. New York, NY: Basic books.

Al-Shannaq Y., Mohammad A. A., Khader Y. (2021) Psychometric Properties of the Arabic Version of the Fear of COVID-19 Scale (FCV-19S) Among Jordanian Adults. *International Journal of Mental Health and Addiction*. No. 20. P. 1—14. <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00574-3>.

Aristovnik A., Keržič D., Ravšelj D., Tomažević N., Umek L. (2020) Impacts of the COVID-19 Pandemic on Life of Higher Education Students: A Global Perspective. *Sustainability*. Vol. 12. No. 20. P. 8438. <https://doi.org/10.3390/su12208438>.

Arpaci I., Karataş K., Baloğlu M. (2020) The Development and Initial Tests for the Psychometric Properties of the COVID-19 Phobia Scale (C19P-S). *Personality and Individual Differences*. Vol. 164. P. 110108. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110108>.

Asmundson G. J. G., Taylor S. (2020) How Health Anxiety Influences Responses to Viral Outbreaks Like COVID-19: What All Decision-Makers, Health Authorities, and Health Care Professionals Need to Know. *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 71. P. 102211. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102211>.

Bavel J. J. V., Baicker K., Boggio P. S., Capraro V. et al. (2020) Using Social and Behavioural Science to Support COVID-19 Pandemic Response. *Nature Human Behaviour*. No. 4. P. 460—471. <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0884-z>.

Chan P. C., Tsang C. T., Tse A. C., Wong C. C., Tang H. N., Law W. Y., Lau C. Y., Lit T. C., Ng Y. C., Ho M. (2022) Psychological Well-Being and Coping Strategies of Healthcare Students during the Prolonged COVID-19 Pandemic. *Teaching and Learning in Nursing*. Vol. 17. No. 4. P. 482—486. <https://doi.org/10.1016/j.teln.2022.05.008>.

Chen I. H., Chen C. Y., Zhao K. Y., Gamble J. H., Lin C.-Y., Griffiths M. D., Pakpour A. H. (2022) Psychometric Evaluation of Fear of COVID-19 Scale (FCV-19S) among Chinese

Primary and Middle Schoolteachers, and their Students. *Current Psychology*. <https://doi.org/10.1007/s12144-021-02471-3>.

Cohen-Louck K., Levy I. (2021) Viruism: The Need for a New Term Describing COVID-19 Impact in Context of Viral Victimization. *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. Vol. 13. No. 1. P. 1—8. <https://doi.org/10.1037/tra0000945>.

Deng J., Zhou F., Hou W., Silver Z., Wong C. Y., Chang O., Drakos A., Zuo Q. K., Huang E. (2021) The Prevalence of Depressive Symptoms, Anxiety Symptoms and Sleep Disturbance in Higher Education Students during the COVID-19 Pandemic: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Psychiatry Research*. Vol. 301. 113863. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2021.113863>.

Gladstone G., Parker G. (2003) What's the Use of Worrying? Its Function and Its Dysfunction. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. Vol. 37. No. 3. P. 347—354.

Gritsenko V., Skugarevsky O., Konstantinov V., Khamenka N., Marinova T., Reznik A., Isralowitz R. (2021) COVID 19 Fear, Stress, Anxiety, and Substance Use Among Russian and Belarusian University Students. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 19. P. 2362—2368. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00330-z>.

Gudykunst W. B. (1993) Toward a Theory of Effective Interpersonal and Intergroup Communication: An Anxiety/Uncertainty Management (AUM) Perspective. In: Wiseman R. L., Koester J. (eds.) *Intercultural Communication Competence*. Newbury Park, CA: Sage. P. 33—71.

Harper C. A., Satchell L. P., Fido D., Latzman R. D. (2021) Functional Fear Predicts Public Health Compliance in the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 19. No. 5. P. 1875—1888. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00281-5>.

Horton R. (2021) *The COVID-19 Catastrophe: What's Gone Wrong and How to Stop It Happening Again* (2nd ed.). Cambridge, MA: Polity Press.

Hu K., Godfrey K., Ren Q., Wang S., Yang X., Li Q. (2022) The Impact of the COVID-19 Pandemic on College Students in USA: Two Years Later. *Psychiatry Research*. Vol. 315. 114685. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2022.114685>.

Hyde J., Ryan K. M., Waters A. M. (2019) Psychophysiological Markers of Fear and Anxiety. *Current Psychiatry Reports*. Vol. 21. No. 7. Article No. 56. <https://doi.org/10.1007/s11920-019-1036-x>.

Kabasakal E., Özpulat F., Akca A., Özcebe L. H. (2021) COVID-19 Fear and Compliance in Preventive Measures Precautions in Workers during the COVID-19 Pandemic. *International Archives of Occupational and Environmental Health*. Vol. 94. P. 1239—1247. <https://doi.org/10.1007/s00420-021-01682-2>.

Khukhlaev O. E., Gritsenko V. V., Pavlova O. S., Tkachenko N. V., Usbian S. A., Shorokhova V. A. (2020) Comprehensive Model of Intercultural Competence: Theoretical Substantiation. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. Vol. 17. No. 1. P. 13—28. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-13-28>.

Kublashvili M. (2021) Intercultural Communication Challenges in the Period of the Novel Coronavirus (COVID-19) (The Case of Qatar Airways). *European Scientific Journal*. Vol. 17. No. 16. P. 1—21. <https://doi.org/10.19044/esj.2021.v17n16p1>.

Leung K., Ang S., Tan M. L. (2014) Intercultural Competence. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. Vol. 1. P. 489—519. <https://doi.org/10.1146/annurev-orgpsych-031413-091229>.

Lin C.-Y. (2020). Social Reaction toward the 2019 Novel Coronavirus (COVID-19). *Social Health and Behavior*. Vol. 3. No. 1. P. 1—2. https://doi.org/10.4103/SHB.SHB_11_20.

Lin C. Y., Hou W. L., Mamun M. A., Aparecido da Silva J., Broche-Pérez Y., Ullah, I., Masuyama A., Wakashima K., Mailliez M., Carre A., Chen Y. P, Chang K. C., Kuo Y. J., Soraci P., Scarf D., Broström A., Griffiths M. D., Pakpour A. H. (2021) Fear of COVID-19 Scale (FCV-19S) Across Countries: Measurement Invariance Issues. *Nursing Open*. Vol. 8. No. 4. P. 1892—1908. <https://doi.org/10.1002/nop2.855>.

Lu W., Wang H., Lin Y., Li L. (2020) Psychological Status of Medical Workforce during the COVID-19 Pandemic: A Cross-Sectional Study. *Psychiatry Research*. Vol. 288. 112936. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112936>.

Mailliez M., Griffiths M. D., Carre A. (2021) Validation of the French Version of the Fear of COVID-19 Scale and Its Associations with Depression, Anxiety, and Differential Emotions. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 20. P. 2057—2071. <https://doi.org/10.1007/s11469-021-00499-x>.

Mertens G., Duijndam S., Smeets T., Lodder P. (2021) The Latent and Item Structure of COVID-19 Fear: A Comparison of Four COVID-19 Fear Questionnaires Using SEM and Network Analyses. *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 81. 102415. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2021.102415>.

Mertens G., Gerritsen L., Duijndam S., Saleminck E., Engelhard I. M. (2020). Fear of the Coronavirus (COVID-19): Predictors in an Online Study Conducted in March 2020. *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 74. 102258. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102258>.

Ornell F., Schuch J. B., Sordi A. O., Kessler F. H. P. (2020) “Pandemic Fear” and COVID-19: Mental Health Burden and Strategies. *Brazilian Journal of Psychiatry*. Vol. 42. No. 3. P. 232—235. <https://doi.org/10.1590/1516-4446-2020-0008>.

Perkins A. M., Corr P. J. (2014) Anxiety as an Adaptive Emotion. In: Parrott W. G. (ed.) *The Positive Side of Negative Emotions*. New York, NY: The Guilford Press. P. 37—54.

Peters E., Lipkus I., Diefenbach M. A. (2006) The Functions of Affect in Health Communications and in the Construction of Health Preferences. *Journal of Communication*. Vol. 56. No. 1. P. S140—S162. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2006.00287.x>.

Pettigrew T. F., Tropp L. R. (2006) A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 90. No 5. P. 751—783. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.90.5.751>.

Pokhrel S., Chhetri R. (2021) A Literature Review on Impact of COVID-19 Pandemic on Teaching and Learning. *Higher Education for the Future*. Vol. 8. No. 1. P. 133—141. <https://doi.org/10.1177/2347631120983481>.

Ren S.-Y., Gao R.-D., Chen Y.-L. (2020) Fear Can Be More Harmful than the Severe Acute Respiratory Syndrome Coronavirus 2 in Controlling the Corona Virus Disease 2019 Epidemic. *World Journal of Clinical Cases*. Vol. 8. No. 4. P. 652—657. <https://doi.org/10.12998/wjcc.v8.i4.652>.

Reznik A., Gritsenko V., Konstantinov V., Khamenka N., Isralowitz R. (2021) COVID-19 Fear in Eastern Europe: Validation of the Fear of COVID-19 Scale. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 19. No. 5. P. 1903—1908. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00283-3>.

Roy D., Tripathy S., Kar S. K., Sharma N., Verma S. K., Kaushal V. (2020) Study of Knowledge, Attitude, Anxiety & Perceived Mental Healthcare Need in Indian Population during COVID-19 Pandemic. *Asian Journal of Psychiatry*. Vol. 51. 102083. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2020.102083>.

Satici B., Saricali M., Satici S. A., Griffiths M. D. (2020) Intolerance of Uncertainty and Mental Wellbeing: Serial Mediation by Rumination and Fear of COVID-19. *International Journal of Mental Health and Addiction*. Vol. 20. P. 2731—2742. <https://doi.org/10.1007/s11469-020-00305-0>.

Schimmenti A., Starcevic V., Giardina A., Khazaal Y., Billieux J. (2020) Multidimensional Assessment of COVID-19-Related Fears (Mac-Rf): A Theory-Based Instrument for the Assessment of Clinically Relevant Fears during Pandemics. *Frontiers in Psychiatry*. Vol. 11. Article No. 748. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2020.00748>.

Solymosi R., Jackson J., Pósch K., Yesberg J. A., Bradford B., Kyprianides A. (2021) Functional and Dysfunctional Fear of COVID-19: A Classification Scheme. *Crime Science*. Vol. 10. Article No. 4. <https://doi.org/10.1186/s40163-020-00137-2>.

Stephan W. G., Stephan C. W. (2000) An Integrated Threat Theory of Prejudice. In: Oskamp S. (ed.) *Reducing Prejudice and Discrimination*. New York, NY: Psychology Press. P. 23—45.

Tallis F., Eysenck M. W. (1994) Worry: Mechanisms and Modulating Influences. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. Vol. 22. No. 1. P. 37—56. <https://doi.org/10.1017/S1352465800011796>.

Tallis R., Davey G. C. L., Capuzzo N. (1994) The Phenomenology of Non-Pathological Worry: A Preliminary Investigation. In: Davey G. C. L., Tallis F. (eds.) *Worrying: Perspectives on Theory, Assessment and Treatment*. London: Wiley. P. 61—89.

Taylor S., Landry C. A., Paluszek M. M., Fergus T. A., McKay D., Asmundson G. J. G. (2020) Development and Initial Validation of the COVID Stress Scales. *Journal of Anxiety Disorders*. Vol. 72. 102232. <https://doi.org/10.1016/j.janxdis.2020.102232>.

Tzur Bitan D., Grossman-Giron A., Bloch Y., Mayer Y., Shiffman N., Mendlovic S. (2020) Fear of COVID-19 Scale: Psychometric Characteristics, Reliability and Validity in the

Israeli Population. *Psychiatry Research*. Vol. 289. 113100. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113100>.

Wang F., Zhang L., Ding L., Wang L., Deng, Y. (2022) Fear of COVID-19 among College Students: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Public Health*. No. 10. 846894. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2022.846894>.

Wathelet M., Duhem S., Vaiva G., Baubet T., Habran E., Veerapa E., Debien C., Molenda S., Horn M., Grandgenèvre P., Notredame C. E., D'Hondt F. (2020) Factors Associated with Mental Health Disorders among University Students in France Confined during the COVID-19 Pandemic. *Jama Network Open*. Vol. 3. No. 10. e2025591. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2020.25591>.